

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей ЗВЕРЕВ

ГИДРОУДАР

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Гидроудар

«ЭКСМО»

2009

Зверев С. И.

Гидроудар / С. И. Зверев — «Эксмо», 2009 — (Спецназ ВДВ)

В Бангладеш произошла авария на крупной гидроэлектростанции, построенной российскими специалистами. Погибло и пропало без вести множество людей... На розыск россиян отправляется майор спецназа ВДВ Андрей Лавров по прозвищу Батяня, который быстро убеждается, что на станции была совершена диверсия. Найти соотечественников для Батяни – дело чести, тем более что среди них популярный певец Василий Разгуляев. «Звезду» действительно вскоре находят, но не поисковая команда, а боевики крупного китайского мафиози Чжанга. Бандит еще не в курсе, что освободить пленников будет сам Батяня, который умеет убедительно разговаривать с отморозками всех мастей и национальностей...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Зверев

Гидроудар

Глава 1

Учения для десанта – дело привычное. Классы, занятия на тренажерах, полосе препятствий и в спортгородке – это все, конечно, хорошо. Но на полковом плацу подготовить солдата, глубоко и бесповоротно был убежден Батяня, можно только для роты почетного караула. Десантура должна по уши искупаться в грязи, вывалиться в пыли, оглохнуть от стрельбы и пропахнуть пороховыми и выхлопными газами – вот тогда она становится десантурой. Даже полноценным полковым поваром боец не может считаться до тех пор, пока не попробовал сварить кашу да суп в полевой кухне.

Поэтому учения Лавров любил и искренне радовался, когда удавалось вытащить свой батальон хотя бы на полигон, в полевой выход, на пару суток.

Но учения учениям рознь. Бывают и такие, когда за командной вышкой яблоку негде упасть от командирских «уазиков», а на смотровой площадке в глазах рябит от количества больших звездочек на многочисленных погонах... Когда толстожопый «секретчик», месяцами не вылезающий из штаба, с гордым видом напяливает свою ни разу не стиранную, с иголки, полевую форму – от таких учений у Батяни скулы сводило от тоски. Ну не любил он показуху, хоть тресни! «А сейчас, товарищ генерал, вы увидите боевое развертывание десантно-штурмовой роты... Минометная батарея обеспечивает огневую поддержку... Вот-вот появятся вертолеты... Десантники демонстрируют навыки владения приемами рукопашного боя...» Тьфу!

Как командир батальона майор Лавров, конечно же, прекрасно понимал, что учиться нужно всем, в том числе и офицерам. Поэтому, услышав от командования о планирующихся командно-штабных учениях, даже обрадовался – ему не терпелось проверить и обкатать двоих молодых лейтенантов, пришедших к нему взводными.

Но уже следующая вводная заставила Батяню затосковать – никаких взводных, никаких ротных. Учения – только для старших офицеров в должности не ниже командира батальона. Так что на полигон он отправился от своей части один.

Еще на КПП Лавров почувствовал неладное – солдатики из комендантского взвода, обычно отличающиеся редкостным раздолбайством, на этот раз из всех сил пытались изобразить служебное рвение. Во-первых, весь наряд во главе с прапорщиком был на месте. Во-вторых, воротнички кителей были застегнуты даже у дембелей, а ремни с пристегнутыми штык-ножами вовсе не болтались, по идиотской моде, где-то ниже пояса. В-третьих, асфальт дороги метров на пятьдесят до и после шлагбаума был тщательно подметен. Наконец, в кои-то веки, прежде чем поднять шлагбаум, постовой попросил сидевших в машине предъявить документы.

«Все ясно – учения пройдут на самом высоком уровне. В смысле, с участием начальства самого высокого уровня», – мрачно заключил Батяня. Оправдывались самые худшие его опасения – ничего толкового, кроме тривиальной показухи, сегодня здесь не будет.

Но когда через три часа бесцельного ожидания в небе появилась вертушка, а еще через несколько минут из приземлившейся у командной вышки машины вышел генерал Иволгин собственной персоной – зам главкома ВДВ, между прочим! – в сопровождении целой свиты офицеров и некоего господина в штатском, Лавров понял, что на этот раз их ожидает нечто интересное...

* * *

Иволгин не отрывался от окуляров стереотрубы уже минут десять. До Лаврова, чуть не потерявшегося в толпе офицеров, собравшихся на командной вышке, доносилось лишь его недоуменное побряхтывание и сопение.

– Хорошо идут! – наконец обернулся генерал к своей свите. – Впечатляет! Только зачем ты их в эти развалины загнал? Плохо видно, что они там внутри будут творить.

– Не волнуйтесь, Алексей Петрович, все увидите. А потом я вам все в подробностях покажу, – отозвался субъект в штатском, к которому и обращался зам главкома. – Весь бой будет сохранен в компьютере, и вы сможете изучить действия каждого солдата.

– Хм, – недоверчиво хмыкнул Иволгин и пожал плечами: – «Бой в компьютере...» Будто в игрушки играем. У меня так внук в стрелялки целыми днями клавишами щелкает, не выгнать. И это вместо того, чтобы уроки учить.

– Наши стрелялки интереснее будут, – с улыбкой отозвался штатский, не отрываясь от ноутбука, открытого на столике рядом со стереотрубой генерала.

– Посмотрим... – как-то неопределенно протянул Иволгин и вновь приник к окулярам.

– Не сомневайтесь, Алексей Петрович, – самоуверенно бросил субъект, поправил узел галстука и вновь приник к экрану ноутбука.

На поле боя, как заметил Лавров, этот господин даже и мельком не поглядывал.

Зато Батяню то, что происходило метрах в трехстах от командной вышки, крайне интересовало. Он уже несколько минут не отрываясь смотрел на разворачивающуюся в поле атаку и никак не мог понять главного – а ради чего собрали такую толпу?

Взвод, участвовавший в штурме, действовал грамотно, слаженно и быстро. Сначала, огИБая командную вышку, на поле выскочили три «БМП». На полной скорости они пронеслись метрах в ста от трехэтажного здания, в котором, по плану учений, засели боевики из незаконных вооруженных формирований. Неопытный глаз и не заметил бы из-за поднятых гусеницами туч пыли, что из бээмпэшек прямо на ходу высыпали бойцы, тут же скрывшись в высокой траве.

Машины на высокой скорости прошли еще с полкилометра, затем остановились и развернулись в боевой порядок, укывшись в небольшой ложбинке. Их башни, как по команде, завертелись, нащупывая тонкими жалами пушек и пулеметов оконные проемы захваченного здания.

Бойцы тем временем подбирались к объекту атаки, работая парами – один преодолевает метров десять, стараясь не выдать себя даже качанием травы, второй прикрывает, потом наоборот. За маленьким кустиком, торчащим метрах в восьмидесяти от дома, один боец замер – не иначе, снайпер.

В общем, все делалось вроде грамотно, быстро и слаженно. Бойцы из спецназа Внутренних войск (о том, кто работает сегодня в поле, собравшимся на вышке сообщили еще до начала атаки) действовали вполне профессионально. Но Лавров голову мог дать на отсечение, что ребята из его батальона справились бы с этим заданием как минимум не хуже. И чем так уж восхищался Иволгин, понять майор не мог абсолютно. Давно, что ли, в войска не выезжал генерал, отвык от нормальной боевой работы?

Наверное, на командной вышке не только Батяня испытывал легкое недоумение от происходящего. Невысокий, но плотный капитан в полевой форме морской пехоты, стоявший рядом с Батяней, вполголоса пробурчал:

– И это все, на что краповые береты способны? Ползать любого бойца еще в учебке натаскивают. Что тут смотреть? На кой только ляд столько народу согнали?

Видимо, у штатского был превосходный слух. Быстро зыркнув стеклами очков на мор-пеха, он громко, на весь командный пункт, торжественно, но как-то уж очень по-цивильному объявил:

– Попрошу внимания, господа, штурм начинается!

В ту же секунду вдалеке грохнули крупнокалиберные пулеметы бээмпэшек, и с верхних этажей здания посыпалась штукатурка и кусочки кирпичей, выбиваемые пулями.

«А долбят боевыми!» – отметил про себя Лавров. Это могло означать только одно – засевшим в здании «боевикам» была дана команда работать по максимуму, ни в коем случае не высываясь и не подставляясь. Свист реальных пуль над головой в таком деле, как знал Батяня по собственному опыту, – лучший стимул.

А краповые береты рванули в атаку. Батяня оценил тактически грамотные действия бойцов – пока основная часть отряда предприняла попытку лобового штурма, одно отделение обошло здание с противоположной от обстреливаемой «БМП» стороны. С помощью коротких штурмовых лестниц, предварительно забросав окна светошумовыми гранатами, спецназовцы в считанные секунды взлетели на второй этаж. Еще три бойца выстрелами из небольших, но мощных арбалетов отправили «кошки» в проемы окон третьего этажа и с помощью крепко зацепившихся шнуров быстро и умело побежали по стене наверх. «БМП» тут же замолчали, чтобы не зацепить своих – кто-то очень четко руководил боем. Теперь со стороны здания доносился лишь неумолчный стрекот коротких автоматных очередей.

Пока Лавров оценивал действия группы, штурмовавшей верхние этажи, основная часть отряда уже вошла в здание.

Все было сделано красиво. Как только заработали пулеметы «БМП», бойцы поднялись из травы и в три прыжка достигли стены – здесь они были неуязвимы для пуль противника.

Через главный вход войти решили шестеро спецназовцев. В бинокль с вышки было видно, как командир знаками показал работать парами и назначил первую и вторую штурмовые двойки. Взмах рукой – и атака началась.

В дверной проем полетели две светошумовые гранаты. Как только грохнули взрывы – еще две. Взрыв – и первая пара с колена практически вслепую отправила в глубь здания пару длинных очередей. Как только они перестали стрелять, в двери впрыгнула вторая пара бойцов, тут же открыв шквальный огонь внутри здания. За ними – третья. Тем временем первая двойка уже успела переменить отстрелянные магазины и тоже исчезла в здании. С начала штурма прошло не более пяти секунд – а все шестеро уже вошли внутрь.

– Молодцы! – громко похвалил атакующих генерал Иволгин.

Со стороны фасада спецназовцы атаквали сразу в трех точках – не только через двери, но и через окна первого этажа. Один подставляет спину – остальные в два прыжка оказываются внутри, предварительно зачистив проход гранатами. Последний, по спине которого вволю натоптались товарищи, вваливается в окно, когда внутри здания уже вовсю гремит бой.

Что происходит там, за толстыми кирпичными стенами, отсюда, с вышки, понять, конечно же, невозможно. Лязг коротких очередей, изредка – всхлипывание подствольных гранатометов или хлопок ручной гранаты. Иногда мелькнет в окне чей-то силуэт, но разве в этой заварухе разберешься, атакующий это был или защищающийся?

Один за другим офицеры на вышке стали опускать бинокли. На лицах всех без исключения читалось лишь разочарование – ну кто это додумался организовывать бой в здании, чтобы ничего не было видно! Разогнулся от окуляров стереотрубы и генерал Иволгин, с недоумением оглянувшись на штатского. И в ту же секунду грохот выстрелов в здании прекратился, и в наступившей вдруг тишине из динамиков ноутбука четко прозвучал доклад командира штурмовой группы:

– Объект чист. Потерь нет.

Майор Лавров машинально взглянул на часы. Получалось, что с момента, как заговорили пулеметы «БМП», прошло не более четырех-пяти минут. Не слабая скорость! Да еще без потерь...

– Обращаю ваше внимание, господа, – торжественно и с нескрываемой радостью провозгласил штатский, – что в здании оборонялось два взвода – считай, пятьдесят человек условного противника. Через пару секунд компьютер выдаст нам точный результат.

Офицеры не могли поверить в произошедшее. Кто-то снова поднял бинокль к глазам, пытаясь получше рассмотреть уже покидавших захваченное здание спецназовцев. Кто-то недоверчиво покачивал головой, глядя на стрелки часов. Невысокий морпех рядом с Лавровым обернулся к майору, коротко ругнувшись:

– Блин, ты что-нибудь понял, десант?

Первым нашелся Иволгин – генерал вдруг зааплодировал, глядя на штатского чуть ли не влюбленными глазами. Офицеры поддержали старшего по званию – сегодня они стали свидетелями действительно выдающейся боевой работы!

* * *

Разбор учений проводился в просторной штабной палатке, разбитой рядом с наблюдательной вышкой полигона. У дальней стены на столе майор Лавров сразу же заметил огромный, больше метра в диагонали, ЖКИ-телевизор, рядом устроился со своим ноутбуком тот странный штатский.

К столу вышел Иволгин, и гул, стоявший в до отказа заполнившейся палатке, тут же утих – на этот раз «разбор полетов», обычно самая занудная часть любых учений, обещал быть очень интересным. По крайней мере, боевые офицеры, которых пригласили на это мероприятие из самых разных частей и разных родов войск, с нетерпением ждали комментариев и объяснений, свидетелями какого чуда они только что оказались.

– Товарищи офицеры, – торжественно и довольно напыщенно для этой полевой обстановки начал генерал, – позвольте представить вам доктора физико-математических наук, профессора Виктора Сергеевича Беляева.

Иволгин сделал широкий жест в сторону штатского, предлагая поприветствовать гостя, и сам же первый зааплодировал – точь-в-точь как давеча на командной вышке.

– Виктор Сергеевич – наш известный ученый, работает в одном из научно-исследовательских институтов Министерства обороны. Именно под его руководством была разработана, произведена, а сегодня успешно испытана новая система управления подразделением при боевом применении, – продолжил представление Иволгин. – Я представляю, насколько поразили вас действия штурмового взвода, и могу только догадываться, о чем бы вы хотели расспросить Виктора Сергеевича. Он ответит на ваши вопросы в пределах своей компетенции. Но главное не в этом.

Иволгин сделал эффектную паузу и обвел взглядом присутствующих.

– Главное для нас – это ваше мнение. Мнение настоящих боевых офицеров, не раз работавших в разных горячих точках. Насколько полезной окажется эта система в бою? Насколько повышается эффективность действия войск? Словом, стоит ли эта разработка наших высокоуважаемых ученых того, чтобы российское государство вложило в нее многие миллионы и миллионы народных рублей и приняло систему на вооружение.

– Ну, поет! – довольно отчетливо прозвучал в тишине палатки чей-то комментарий, и брезентовые стены содрогнулись от хохота.

Дело в том, что Иволгин действительно умел говорить в определенных ситуациях красиво и гладко, поэтому часто представлял ВДВ на различных совещаниях в Минобороны. Умел он также, в случае необходимости, весьма ядроно и витиевато распекал подчиненных – вовсе

не выбирая выражений. В общем, за эти умения или за фамилию «птичью», но в десанте за генералом накрепко закрепилось прозвище «Соловей». Поэтому меткое замечание кого-то из «чужаков» очень развеселило десантников.

Иволгин сурово сдвинул брови:

– Попрошу внимания. Помните, товарищи офицеры, о высокой ответственности ваших оценок и об их важности для нашей Родины. А также на всякий случай напомню, что здесь находятся лишь те офицеры, на кого распространяется режим особого доступа к государственным секретам. Объяснять, что все, что вы сегодня видели и что еще увидите и услышите, находится под грифом «совершенно секретно», надеюсь, не стоит.

– В кои-то веки родину наши оценки заинтересовали, – жарко шепнул кто-то Лаврову в самое ухо. Майор обернулся – все тот же морпех, с которым они вместе наблюдали за учениями со смотровой вышки. Наверное, почувствовал родственную душу. – А когда наших ребят, совершенно неподготовленных, в Грозный бросили, чтоб погоны свои прикрыть, никто нашего мнения почему-то не спрашивал.

– Да уж, – отозвался Батяня. Что правда, то правда – не слишком часто Родина интересуется мнением тех, на чью самоотверженность она рассчитывает.

– Слово предоставляется герою наших сегодняшних учений Виктору Сергеевичу Беляеву, – Иволгин кивнул штатскому и, еще раз окинув суровым взглядом собравшихся, уселся в первом ряду.

Профессор, смешно семеня тощими ногами, вышел к телевизору, прижимая сложенные ладошки к груди и глубоко кланяясь. Ни дать ни взять, великий сансей! Как будто это он в одиночку положил полсотни «боевиков» условного противника в захваченном здании, а не просидел весь бой у монитора своего ноутбука.

– Спасибо вам большое, Алексей Петрович, – еще раз поклонился Беляев, на этот раз непосредственно Иволгину, – за ваши теплые слова, но в сегодняшнем удачном штурме, свидетелями которого вы все стали, есть не только моя заслуга...

«Еще бы! С полной выкладкой не ты по полигону бегал!» – Отчего-то симпатии особой профессор Беляев у Лаврова не вызывал.

– ... но и всего коллектива нашего института, приложившего немало сил к созданию представляемой вам системы, – закончил тираду ученый, и майор только присвистнул – этот хлыщ действительно не считал нужным даже вспомнить бойцов, работавших сегодня на полигоне!

Иволгин опять зааплодировал, но офицеры поддержали генерала на этот раз жиденькими хлопками, и Беляев смог продолжить:

– Спасибо, господа! Прежде всего хочу продемонстрировать вам последнюю часть нашей системы – ШЗЭАУЦ.

«Опять дурацкие аббревиатуры», – удивительно, но чем дольше выступал профессор, тем меньше он нравился Батяне. Майор, наверное, даже не смог бы толком объяснить, чем именно этот штатский его так раздражает, но бесил этот плюгавый очкарик Батяню капитально.

– Прошу вас! – Беляев кивнул, и из первого ряда поднялся боец в полной выкладке. Его камуфляж был совершенно грязный, пыльный, разгрузка топорщилась боеприпасами, зато на голове был совершенно новенький шлем с прозрачным пластиковым забралом. Наверное, догадался Лавров, это кто-то из тех спецназовцев, участвовавших в показательном штурме. Но профессор, оказывается, демонстрировал собравшимся вовсе не бойца: – Вот этот сложный механизм и называется ШЗЭАУЦ – шлем защитный с электронным автоматическим указанием цели.

– Прошу прощения, Виктор Сергеевич, – вмешался в представление Иволгин, поторопившись исправить бестактность ученого. – Разрешите вам представить старшего лейтенанта Бондарчука. Командир взвода спецназа Внутренних войск МВД. Его подразделение осуществляло сегодняшний штурм. Продолжайте!

– Да, конечно, – ничуть не смутился профессор. – Этот шлем входит в экипировку всех бойцов подразделения, в котором применяется наша система. Как вы можете видеть, сбоку укреплена миниатюрная видеокамера с широким углом обзора и достаточно высоким разрешением. На затылочной части шлема – аккумулятор и приемо-передающее устройство, посылающее сигнал с видеокамеры на монитор командного пункта. Во время учебного боя я мог видеть картинку со шлема любого бойца прямо на своем ноутбуке.

Беляев включил ноутбук, изображение с которого сейчас транслировалось на огромный экран телевизора – чтобы всем собравшимся было лучше видно. Больше всего картинка действительно напоминала какую-то сильно навороченную реалистичную «стрелялку» – вспышки взрывов, мечущиеся в дыму фигурки, по которым прыгает красное перекрестие прицела, столбики быстро сменяющих друг друга цифр...

– Специальная компьютерная программа обрабатывает всю поступающую в процессор информацию и тут же выдает результат, – продолжал тем временем ученый. – Под результатом я имею в виду информацию, которая в бою наиболее востребована. Во-первых, распознавание цели по принципу «свой – чужой», во-вторых, непосредственно целеуказание с демонстрацией расстояния до объекта. А в-третьих, оценка возможных угроз. Вся эта информация выводится на пластиковое забрало шлема, причем наиболее опасные угрозы высвечиваются ярче, помогая военнослужащему в бою быстрее реагировать на любое изменение ситуации.

По рядам прокатился шумок – так вот в чем кроется секрет столь успешного штурма!

– Должен заметить, – польщенный произведенным эффектом, профессор даже потерял руки от удовольствия, – что вывод информации на внутреннюю поверхность забрала осуществляется по тому же принципу, как в «Мерседесах» и «Лексусах» выводятся показания на лобовое стекло. То есть забрало абсолютно прозрачно, и ничто не мешает обзору. Кроме того, оно сделано пуленепробиваемым по третьему классу, что защитит лицо военнослужащего если не от прямого попадания пули, то от случайного осколка уж точно. Наконец, шлем – универсальный комплекс связи между бойцами подразделения, работающий как на прием, так и на передачу информации. Кроме того, один из режимов использования подразумевает голосовые подсказки компьютерной управляющей программы. Бойцу нужно будет только вовремя среагировать на команду системы.

Виктор Сергеевич закончил объяснения и победно оглядел аудиторию – ну, и как, интересно, прореагируют эти вояки? Они ведь понюхали порошу достаточно, а значит, должны высоко оценить разработку, которая облегчит им жизнь.

– Разрешите? – Из глубины зала поднялся невысокий, но очень плотный коротко стриженный мужчина с рано поседевшими висками. – Майор Петрушкевич.

– Вы откуда? – поинтересовался Иволгин, ревниво всматриваясь в волевое лицо майора. – Вроде не из десанта?

– Спецназ ГРУ.

– Слушаем вас, товарищ майор.

– У меня скорее не вопрос, а замечание. Как у Верещагина из «Белого солнца» – за державу обидно. Вы нас собираете со всей России, гордо демонстрируете эту систему, преподнося ее как вершину изобретательства нашей обороны, как некое невиданное достижение, которому мы должны радоваться, как дети. Так вот, справедливости ради должен отметить, что подобные системы уже давно опробованы в войсках блока НАТО. И если не получили еще массового распространения, то только по причине дороговизны. Но спецподразделения подобными системами экипированы. По такому же принципу работают и шлемы пилотов штурмовой авиации и вертолетов огневой поддержки. Так что примера какого-то гениального изобретательства, вы уж простите, товарищ ученый, я здесь не вижу.

По рядам прошелестел вздох изумления. Кто-то громко рассмеялся – молодец разведчик, здорово сыпал этому очкарику! И главное – поделом! В самую точку попал.

А майор поднял руку, успокаивая коллег, и продолжил:

– Поймите правильно, это не претензия к вам. Молодцы, что разработали систему. Хорошо, что продвигаете ее. Дай бог, с финансированием все будет нормально, и эти шлемы мы рано или поздно получим. Я о другом – о принципе. Мы ведь в принципе опаздываем. Мы вечно бьем по хвостам. Мы постоянно пытаемся кого-то догонять, с кого-то брать пример. И – проигрываем! Я даже больше того скажу – кавказские войны последнего времени развратили нас. Ничего не скажешь – доблестное занятие для армии двадцать первого века воевать с гражданскими, с непрофессионалами. А если столкнуться придется не со спустившимися из диких аулов террористами, а с современной, высокотехнологичной армией, для которой ваши волшебные шлемы – обыденность? Да им ваши электронные навороты... Как говорится, напугали ежика голый...

Палатка грохнула дружным смехом, заглушившим последние слова майора. Смеялись все, даже Иволгин. Это было как разрядка, как своеобразная месть профессиональных солдат какому-то гражданскому профессору, явившемуся сюда с видом победителя. Что, очкарик, выкусил?

Удивительно, но ученый ни на йоту не смутился. Дождавшись, когда отсмеявшиеся офицеры начнут утихать, Виктор Сергеевич разочарованно вздохнул:

– Жаль, что вы торопитесь с выводами, майор. Ведь шлем, который, как вы правильно заметили, уже давно используется в авиации, к примеру, является в нашей системе вовсе не главным изобретением.

Офицеры прислушались.

– В бою все решают доли секунды – кто первым выстрелит, тот и победитель, – в полной тишине изрек прописную истину профессор, поучительно подняв палец.

– Что вы говорите! А мы не знали... – прозвучал чей-то насмешливый голос, но ученый даже бровью не повел.

– Главный недостаток подобных систем управления боем – что в авиации, что в нашем, сухопутном, варианте – время реакции человеческого мозга на подсказки компьютера, – с нескрываемым торжеством изрек Виктор Сергеевич. – Машина обнаружила цель, выдала ее координаты, сообщила характеристики. Она может подсказать даже, каким оружием лучше поразить эту цель. Но пока пилот, наводчик танка или спецназовец сообразят, что делать, может быть уже и поздно. Ценность нашей разработки именно в том, что мы в разы сокращаем время реакции бойца на подсказки компьютерной системы. Полная обработка данных сегодняшнего учения еще впереди, но даже первые результаты показывают, что время на принятие решения в предлагаемой системе практически не тратится. И именно поэтому штурм был столь удачным – система не оставляет противнику шансов.

И опять офицеры зашумели – слишком много непонятого было в словах ученого. Кто-то выкрикнул:

– Как это, не тратится? Что, бойцу думать не надо? Выбирать цель не надо? Действия свои обмозговать?

Виктор Сергеевич с улыбкой поднял руку – в его пальцах сверкнул маленький кусочек металла.

– Похоже на украшение, не так ли? С такими «сережками» сегодня воевали все бойцы спецназа, штурмовавшие здание.

– Что это?

– Это электронный чип, созданный нами особый микропроцессор, – ученый сжал пальцы, спрятав свою игрушку в ладони. – Он крепится с внутренней стороны мочки уха бойца. А в мочках, если вы слышали, сходится множество нервных окончаний.

– И что?

– Чип работает и на прием, и на передачу. Все, в принципе, просто. Благодаря этой «сережке» на компьютер (понятно, что лучше всего использовать мобильные «лэп-топы» повышенной защищенности) в режиме реального времени передается вся информация о военнослужащем – его координаты с точностью до 10 см, частота пульса, величина артериального давления, температура тела, даже уровень тонуса нервов. То есть все физические параметры, позволяющие определить кондицию бойца. А компьютер, в который заложена подробнейшая трехмерная карта территории, на которой разворачиваются действия, с помощью системы спутниковой навигации четко позиционирует все подвижные и неподвижные объекты, распознает их по принципу «свой – чужой» и выбирает лучший вариант действий для снабженного чипом солдата.

Профессор прокашлялся и с явным удовольствием окинул взглядом притихшую аудиторию.

– Вы знаете, господа офицеры, это рассказывать обо всех процессах выходит слишком долго. А машина считает с такой скоростью, которая попросту недоступна человеческому мозгу. За счет быстрого анализа и получается потрясающий выигрыш по времени реакции бойца: компьютер послал на чип импульс – солдат тут же среагировал, еще сам не понимая, зачем он это делает.

– Господи, – вырвалось у Иволгина, – чип его что, за ухо дергает?

– Все проще, – снисходительно улыбнулся ученый. – Принцип воздействия основан на реакциях одного из самых мощных мозговых центров человека – центра удовольствия. Для пущей скорости реакции – никаких вариантов, только «да – нет», «нравится – не нравится». Центр или активизируется, или угнетается. И реакция объекта будет именно такой, какая нужна компьютеру. Я сейчас вам кое-что продемонстрирую.

Из-за телевизора Виктор Сергеевич вытащил небольшую клетку, в которой сидела маленькая обезьянка. Увидев, внимание скольких людей привлекла ее скромная персона, макака забеспокоилась и отчаянно заверещала. А профессор тем временем вынул из кармана банан, неторопливо очистил кожуру и, отломив кусочек, протянул его обезьянке через прутья клетки. Визг оборвался на полутоне – схватив плод своими маленькими цепкими пальчиками, обезьянка с видимым удовольствием в мгновение ока прикончила лакомство.

– Как видите, Чита любит бананы. Тем более что и проголодалась порядочно, пока мы с вами за боем наблюдали, – довольно заключил Беляев. Затем подошел к ноутбуку, быстро пробежал пальцами по клавишам. – Но за ухом у нашей подопечной точно такой же чип, как у бойцов, которых мы сегодня видели. А я только что попросил компьютер передать Чите, что бананы она больше не любит.

Он вернулся к клетке и протянул обезьянке банан. Чита схватила протянутый ей плод, покрутила, принялась и... бросила его на пол клетки, что-то яростно прокричав Беляеву.

– Ничего удивительного не произошло, – театрально развел руками ученый, – Чита просто выполнила команду. Природа! Если что-то причиняет боль, мы этого избегаем, выбирая то, что нам приятно. Подобрал ключ, мы имеем полную возможность управлять чувствами объекта, а корректируя их – психикой и поведением. Чего бы ни хотел человек, о чем бы он ни думал и что бы ни планировал, с помощью нашего чипа и компьютера мы сможем с легкостью им управлять. И заметьте – это не гипноз, не внушение, не кодировка. Здесь нет никаких отвлекающих моментов типа «сильная воля – слабая воля», что могло бы помешать постановке задачи. Объект управляется без вариантов, сам того не осознавая.

Беляев перевел дыхание и, будто желая окончательно сразить собравшихся, чуть ли не с пафосом закончил:

– Прошу учесть, что подразделение в бою – это совокупность объектов. А совокупность управляемых объектов означает, что работа ведется как минимум на двух уровнях – программа действий подбирается как для каждого бойца в отдельности, так и для всего подразделения

в целом. А значит, при всех прочих равных условиях такая боевая единица получает неоспоримое преимущество. Ведь солдаты, оснащенные чипами, поступают так, как нужно оператору, абсолютно этого не сознавая – им кажется, что они сами принимают решения. Отсюда – страсть, азарт боя, способность к самопожертвованию ради общей цели. Но эту самую цель, в принципе, вполне может срежиссировать оператор, исходя из своих тактических предпочтений.

Ученый замолчал, и в палатке повисла полная тишина – все рассказанное и показанное казалось таким ошеломляющим, что никто и не знал, как на это все реагировать. Фантастика? Прорыв? Технологии XXI века?

– Спасибо товарищу ученому, – нарушил тишину Иволгин, – мы его внимательно выслушали, посмотрели на действие системы в полевых условиях. Теперь, товарищи офицеры, прошу высказаться.

Никто делиться своим мнением не спешил, и когда из задних рядов раздался чей-то голос, на него обернулась вся палатка:

– Разрешите? Майор Лавров, спецназ ВДВ.

– Это один из наших лучших командиров, – поспешил представить своего человека Иволгин.

– У меня вопрос, товарищ ученый, – не отреагировал на комплимент Батяня. – Если я правильно понял, вы делаете с помощью своей системы из бойца биоробота – что вам надо, то он и сделает.

– В какой-то степени, да.

– То есть, если оператору взбредет в голову, он заставит солдата повеситься? Или застрелить своего командира?

– Теоретически – да, – довольно блеснул стеклами своих очков Беляев. – Впрочем, таких опытов мы еще не делали...

– Я только одного не пойму, – бесцеремонно перебил его Лавров, обращаясь уже скорее к Иволгину. – С профессором-то мне все понятно. Он из своей лаборатории задницу первый раз на полигон вытащил. Но почему те, кто руководит военной наукой, мозги этому изобретателю не вправили?

Палатка грохнула дружным смехом – скандала никто не ожидал, а этот десантник оказался парнем не робкого десятка!

– Что вы себе позволяете? – взвизгнул Беляев.

– Майор! – грозно повысил голос и генерал.

– Я к тому, что не вижу для себя лично никакого интереса в сегодняшнем эксперименте, – ни на мгновение не смутился Батяня. – Объясняю почему. Вы с таким же успехом можете вставить свои чипы не солдатам, а стае мартышек из зоопарка. И пусть воют – раз от них ничего не зависит, с вашей «стрелялкой» справится и оператор. А десант, профессор, если не знаете – элита. Еще поверю, что тупому омовцу демонстрацию на Манежной разгонять команда нужна. А десантник – не робот.

По палатке прокатился гул одобрения, но Лавров поднял руку, показывая, что он еще не закончил:

– Главное, что вы ничего не поняли, господин профессор. Просто потому, что не сталкивались с ВДВ. Еще наш первый командующий говорил, что десант должен выпрыгнуть в пасть льва – а там посмотрим. Наше предназначение – захватить плацдарм на территории противника. Мы прыгаем в неизвестность, господин ученый, не зная, что нас ожидает на земле. Так у нас есть хотя бы опыт и интуиция. А ваш компьютер с ума сойдет от количества не введенной информации.

– Майор, но ты же сам видел, как работает система... – неуверенно, словно оправдываясь, и даже как-то заискивающе протянул Иволгин.

– А еще она умеет просчитывать ходы противника! – выпалил Беляев.

– В учебном бою учебного противника, – отрезал Лавров.

– Программа постоянно совершенствуется. Следующая версия будет уже сильнее, – окреп голос ученого. – Я ни в коей степени не ставлю под сомнение способность десанта. Вы сами убедитесь, что сила наших технологий, помноженная на мощь ВДВ...

– Про десант давай я сам говорить буду, – оборвал его Батяня. – Десантник – не машина, и действует не только силой мускулов, но и данного ему природой ума и чувства справедливости. Достоевского почитайте на досуге. Человек выбирает, и в этом – человек. А ваша система лишает бойца выбора. А значит, лишает силы. Инициативы. Неожиданности. Всех преимуществ, которые тот же десант, в меньшинстве оказавшись на территории противника, может предъявить к оплате.

– Правильно, майор! – послышались со всех сторон голоса одобрения.

– И морпех без инициативы – как хвост собачий, – вскочил сосед Лаврова, не скрывая эмоций. – Ты высаживаешься на берег – а хрен его знает, что тебя там ждет!

– Тихо, тихо, господа офицеры! – поднял руку Иволгин, успокаивая собравшихся. – Расшумелись!

Дождавшись, что крики стихли, генерал завершил встречу:

– За высказанные мнения всем спасибо. Но решать ее судьбу и оценивать ее эффективность будут на другом уровне. Насколько я знаю, ее еще как следует обкатают, в том числе и в десанте. Так что не торопитесь с выводами. А вам, товарищ профессор, большое спасибо – штуку вы нам сегодня показали все-таки интересную!

Глава 2

В Дакке было жарко. Очень жарко. Может, где-нибудь на Средиземноморье такая температура воздуха воспринималась бы совсем иначе – как благодатное и комфортное тепло, прогревающее до самых костей. Но здесь... Воздух – как в парилке. Влажный, вязкий, жирный. День вроде солнечный, на небе – ни облачка, но солнце будто растворяется в дрожащем мареве, и весь небосвод становится не голубым, а почти желтым. Грязным. Как вся эта земля, и как река, и как город.

Василий Разгуляев тяжело вздохнул и, запрокинув голову, сделал из бутылки с негазированной холодной водой несколько больших глотков. Эх, еще бы лет пять назад он бы в такой ситуации приложился к бокалу хорошего ледяного пивка – и жажду лучше утоляет, и организму в целом пользы больше. После вчерашнего банкета это было бы в самый раз. Он-то, конечно, остерегался, не усердствовал, но пара рюмок виски, все-таки выпитых с послом и главным инженером «Сиддирганча», теперь наливались в почках тупой тянущей болью.

Дверь микроавтобуса, в котором пытался прийти в себя Разгуляев, распахнулась, и в салон заглянул Валька Усачев, старый его товарищ, ударник их группы, с которым вместе они начинали еще в Химках.

– Вась, ты как? – На лице друга легко читались все эмоции, и Разгуляев сразу заметил, сколь озабоченным выглядел Валька. – Опять скрутило?

– Нет, все нормально. Жарко только очень.

– И не говори. Майку хоть выкручивай. Пока звук ставили, семь потов сошло. А еще выступать... Так ты как?

– Я же сказал – нормально! – Разгуляев почувствовал приступ внезапного раздражения. Уж слишком участливыми вдруг стали за последние месяцы ребята его группы. – Через пять минут начинаем, если у вас все готово.

– Отлично. Пойду, скажу, чтоб не расползались никуда, – удовлетворенно кивнул Валька и, тщательно прикрыв дверь микроавтобуса, заспешил к сцене.

В принципе, народный артист России и кумир миллионов Василий Разгуляев отлично понимал, откуда у отнюдь не нежных ребят его группы вдруг появилась эта липкая участливость и подчеркнутая заботливость. Да, многие из них, особенно те, с которыми пришлось немало пережить в лихие и бесшабашные девяностые, готовы были за него душу отдать. Как тот же Валька, например.

Но, с другой стороны, он отлично видел, что за навязчивым вниманием, которым вдруг спеленали окружающие его скромную персону, стоит и чисто экономический расчет. Без Разгуляева группы не существовало. Она попросту не была бы никому интересна без колоритного солиста – крепко сбитого парня в армейском кителе то ли тридцатых, то ли пятидесятих годов прошлого века. А потому любой сбой в его, Василия, организме – сбой в работе огромной концертной машины, перемалывающей огромные горы денег.

Вот случился с ним в прошлом году приступ. Как-то вмиг после очередного застолья работать почки отказались. Чуть не загнулся тогда. Слава богу, откачали. Но пока он валялся на больничной койке, с помощью лучших московских врачей фильтруя кровь и пытаясь хоть как-нибудь восстановить работу организма, запланированные гастроли по городам Сибири накрылись медным тазом. Конечно, зрители, с нетерпением ожидавшие встречи со своим кумиром и раскупившие все билеты, были недовольны. Но еще больше недовольства Разгуляев прочитал в глазах многих своих ребят, каждый день пытавшихся навещать его на больничной койке – ведь тем же тазом накрылись и неплохие гонорары, сулившие эти гастроли.

Впрочем, чего зря на людей ворчать? Кто ж будет счастлив, лишившись возможности заработать лишний рубль? Лучше взглянуть на ситуацию с другой стороны – все-таки команду

он собрал неплохую. Дружную и крепкую. И понимают его ребята без слов. И соглашаются на все его инициативы, даже такие странные, как нынешняя поездка в Бангладеш.

«Инициативы» эти, как называл свои порывы Разгуляев, появились у него не так давно, всего несколько лет назад. Может, после концертов в воинских частях, организованных с подачи Минобороны. На этих выступлениях, проводимых зачастую с примитивнейшим звуком, потому как далеко не всегда удавалось привезти с собой толковую аппаратуру, Василий вдруг почувствовал, насколько отличается атмосфера в зале от той, какую привык он чувствовать на «платниках» и «корпоративах». Затягивая своего бессмертного «Комбата» или глубоко лирическую «Главное – что есть ты у меня», он понимал, что суровые мужики в форме, а иногда и с оружием, слушают его не ушами – скорее, сердцем, душой. Такой реакции, такого чувства единения с публикой раньше он не испытывал никогда. И эти ощущения были столь приятны, что Разгуляев вскоре просто «подсел» на благотворительность – как минимум раз в месяц его группа собиралась «в поход», как называли они между собой участие в таких акциях.

Нынешний «поход» в Бангладеш тоже был чистой воды благотворительностью. Как-то на корпоративе у энергетиков Василий с удивлением узнал, что в этой далекой стране работает не одна тысяча русских специалистов. Оказывается, наши выиграли тендер на постройку в устье Ганга, недалеко от столицы Бангладеш города Дакки, мощной гидроэлектростанции.

В советские времена такие вещи считались рутинными и подчас вызывали даже подспудное ворчание в народе: мол, опять помогаем «дружественному режиму» задаром. Теперь же ракурс восприятия был совершенно иным: события наглядно демонстрировали, что Россия вполне в состоянии выдерживать конкурентную борьбу на мировых рынках и возводить первоклассные объекты за рубежом, позволяющие держаться на плаву собственным машиностроительным заводам.

Это сейчас Василий без запинки мог произнести ее название – «Сиддирганч». А тогда, на корпоративе, этого слова он, конечно же, не запомнил. Зато ситуацию – где-то вдали от родины работают тысячи русских людей, годами не радовавшиеся березкам, – вспомнил даже наутро. И тут же позвонил знакомым из Министерства иностранных дел. Так, мол, и так, но хочу дать бесплатный концерт – пусть людям будет приятно.

Как ни странно, неповоротливая государственная машина тут же закрутилась, и совместными усилиями МИДа, Министерства культуры, энергетики и местного посольства визит его группы в Дакку был организован на высочайшем уровне. Василию рассказали, что, кроме строителей и специалистов ГЭС, в Бангладеш отправилось и немало наших военных техников – обслуживать «МиГ-29», которые закупила эта страна. Так что концерт получится на славу.

А то, что у культурной акции есть и еще одна сторона – Россия в это время ввязалась в тендер на постройку второго блока «Сиддирганча» – Разгуляеву знать было не обязательно. Ну, к чему заморачиваться на методах, которыми пользовались недобросовестные конкуренты с Тайваня? Зачем озадачиваться крупными и мелкими пакостями, которые чуть ли не ежедневно творили на «Сиддирганче» китайские саботажники? Или той атмосферой запугивания и страха, которой постарались окружить российских специалистов китайские преступные группировки, весьма вольготно чувствовавшие себя в Бангладеш? Артисту эти сведения ни к чему. Зато продемонстрировать силу России, укрепить российско-бенгальскую дружбу, а под шумок праздника еще и с чиновниками местными как следует поработать – это было в самый раз. Ведь так здорово, когда инициатива столь уважаемого гражданина совпадает с экономическими и политическими интересами страны! В общем, группа Разгуляева очень скоро оказалась в Дакке.

Василий сделал еще один глоток воды и выбрался из прохлады микроавтобуса в липкую жару желтого дня.

Хозяева подготовились к концерту на славу. Прямо на песчаном берегу Ганга, почти у самой кромки мутной воды великой реки, они построили высокий, выше человеческого роста,

помост – импровизированную сцену, на которой предстояло сегодня группе выступать. Перед сценой – рядов пятнадцать длинных лавок для зрителей. Но мест в этом «партере» для всех желающих послушать всероссийских любимцев, конечно же, не хватило, и несколько сотен человек окружили помост плотным полукольцом, ожидая начала концерта. А чуть подальше, деликатно стараясь не мешать гостям праздновать, расположились бенгальцы – торговцы, велосипедисты, таксисты, погонщики слонов вместе со своими сонными великанами...

Микроавтобус, в котором везли Разгуляева к месту выступления, еле пробился сквозь толпы народа, стремящегося попасть на праздник. И хоть отсюда до центра Дакки, где располагалась отель, в котором остановилась группа, было не менее двух-трех десятков километров, казалось, половина города устремила сюда, на берег, чтобы приобщиться ко всеобщему веселью.

Несмотря на то, что Разгуляев пробыл в этой стране совсем недолго, он уже многое успел заметить. Среди всего прочего то, что, несмотря на бросающуюся в глаза бедность простого народа, люди здесь выглядели очень открытыми. Везде гостей встречали улыбками и возгласами «хау а ю?». Бангладешцы поначалу очень внимательно всматривались в лицо – для европейца, наверно, слишком внимательно, а всмотревшись, расплывались в улыбке. И дети, и взрослые. Рыбаки, и крестьяне, работающие на рисовых полях, рикши, везущие пассажиров...

Василий привычным жестом поправил портупею своего неизменного концертного костюма – военного кителя – и легко взбежал по крутым ступенькам на сцену. И берег древней реки взорвался криками, свистом, аплодисментами – Разгуляев давно заметил, что столь горячего приема, как на благотворительных концертах, не бывает ни на корпоративах, ни на выступлениях в огромных залах. В воздухе затрепетали тысячи российских и бенгальских флажков, которые организаторы раздали зрителям. А над головами группы, через всю сцену, в плотном желтом воздухе чуть заметно колыхался огромный транспарант на двух языках: «Да здравствует российско-бенгальская дружба и сотрудничество!»

Василий окинул взглядом этот импровизированный зрительный зал. В первом ряду заметил нашего посла, руководство «Сиддирганча» – всех высокопоставленных чиновников, с которыми вчера познакомился на банкете. Сдержанно кивнув вип-зрителям, Разгуляев поднятыми над головой руками поприветствовал всех собравшихся:

– Здравствуйте, мои дорогие! От имени нашей группы позвольте выразить вам восхищение вашим самоотверженным трудом в такой дали от родины! Мы догадываемся, как вы здесь скучаете по родным березкам. И первая наша песня – про них!

Он пел про то, как сказочно шумят в России березы, как они прекрасно понимают русскую душу, и как, отрываясь на ветру, летят их трепетные листочки... Он пел о Родине, о чем-то очень исконном, и с каждой новой песней чувствовал, как разгорается аудитория, с каким удовольствием подпевает группе, повторяя давно известные слова любимых хитов:

«Главное, что у меня есть ты,
Любовь моя!»

Организаторы не могли придумать места для проведения концерта лучше. На заднем плане, как величественная декорация, возвышалась плотина «Сиддирганча». Посол говорил вчера Разгуляеву, что сначала организовать концерт планировалось прямо у плотины, но шум падающей воды просто не позволил бы артистам услышать собственные голоса. Поэтому пришлось выбрать место на пару километров ниже по течению Ганга. Но и отсюда «Сиддирганч» был как на ладони.

Посол коротко взмахнул рукой. Это был условный знак – они договорились вчера, что после пяти-семи песен на сцену выйдут официальные представители двух сторон, чтобы произнести небольшие праздничные речи «по поводу». Василий понимающе кивнул и отступил в

глубь сцены, уступая место у микрофона VIP-гостям праздника. Спрятавшись за мониторами и колонками, Разгуляев решил использовать выпавшую паузу, чтобы попить и принять порцию лекарства – разболевшаяся спина никак не хотела униматься.

«Официоз», без которого не обходился ни один из подобных концертов, был самой вымученной и ненужной частью праздника. Но – обязательной! Речи не интересовали ни артистов, ни собравшихся зрителей, они не нужны были и самим выступающим, но произносились всегда с таким пафосом и так торжественно, будто именно этих слов и ждали сотни и тысячи пришедших на праздник людей. Вяло аплодируя ораторам, аудитория просто ждала продолжения концерта.

Впрочем, будь Разгуляев повнимательнее, он бы, возможно, заметил, что кое-кто из зрителей слушает выступающих с куда большим интересом. Чуть опустив тонированное стекло сверкающего черным лаком «Мерседеса-гелендвагена», каждое слово ораторов напряженно ловил упитанный китаец во вполне пристойном европейском костюме, сидевший на заднем сиденье роскошного автомобиля. Его машина стояла чуть поодаль от сцены, и китайцу приходилось внимательно вслушиваться, чтобы понять, о чем говорят выступающие.

Дождавшись, когда российский посол передал слово директору «Сиддирганча», китаец выбросил в форточку недокуренную сигару и нажал кнопку стеклоподъемника, закрывая окно. Достав из внутреннего кармана дорогой мобильник в черном титановом корпусе, он нажал пару кнопок и поднес трубку к уху.

– Слушаю, господин, – его звонка явно с нетерпением ожидали.

– Все готово?

– Так точно, господин.

– Время пришло, – произнес китаец. – И не забудь – плюс три минуты.

– Конечно, мой господин.

Спрятав телефон в карман, «господин» чуть тронул плечо сидевшего за рулем водителя:

– Едем. И побыстрее!

Джип, подняв облачко желтой пыли, тут же рванул с места.

А на сцене, расцвечивая свою речь красочными оборотами и пространными сравнениями, соловьем разливался директор гидроэлектростанции. Переводчик еле-еле поспевал по-русски излагать для слушателей те сложные словесные конструкции, которые рождал бенгальский чиновник:

– С чувством огромного уважения и восторга... благодарность к беспримерному труду, который продемонстрировала нам великая российская нация... высокотехнологичное сооружение, с которым страна с уверенностью смотрит в свое светлое будущее...

Народ слабо хлопал после каждой громкой фразы и ждал, когда же концерт будет продолжен. Наконец, бенгальский чиновник глубоко поклонился, и переводчик с явным чувством облегчения с воодушевлением выкрикнул его последний пассаж:

– Без помощи русских друзей нам никогда бы не удалось построить на Ганге великую гидроэлектростанцию, заковав в бетон мощь нашей великой реки!

Эти слова потонули в радостном крике толпы, дождавшейся, наконец, окончания затянувшегося официоза. В воздух снова взлетели флажки и ладони аплодирующих. И в этом шуме люди не сразу расслышали, как по берегу волной прокатился какой-то новый, тяжелый и густой звук.

Зато его сразу услышал Разгуляев – это было явно эхо далекого взрыва. Странно только было, что звук не только не затихал, а как будто усиливался и приближался. Гул нарастал с каждой секундой. Василий поднял глаза и побледнел – ему показалось, что плотина «Сиддирганча» вдруг в два раза уменьшилась в высоту. А в следующий момент Разгуляев понял, что плотина вроде как на месте, просто река вдруг сошла с ума – оттуда, со стороны плотины, вниз

по течению, прямо на них несся огромный, высоченный вал воды. Сплошная стена мутной воды высотой в несколько этажей!

Теперь уже многие услышали, что происходит что-то не то. Кто-то обернулся, кто-то закричал – и через считанные секунды вопли ужаса захлестнули концертную площадку. Люди заматались, не зная, куда кинуться, пугливыми стонами засигналили такси, наперегонки пытались вырваться на узкую дорогу, заревели, задрав хоботы к небу, встревоженные слоны... Берег содрогнулся от ужаса.

И только один человек в этой ситуации не растерялся. Вырвав у переводчика микрофон, на краю сцены выросла крепкая фигура человека в военном кителе и португее.

– Без паники! – рявкнул в микрофон Разгуляев. – Женщин и детей – быстро на сцену! Кто умеет плавать – помогайте другим! Цепляетесь за деревья, за что угодно. И вырубите электричество! Держитесь, ребята!

И, отбросив микрофон, тут же упал на колени, протянув руки к девочке, сидевшей на руках у матери в первом ряду, у самого помоста:

– Давай!

Женщина, растерянно взглянув Василию в глаза, передала ему ребенка. А Разгуляев, легко подняв малышку на сцену, тут же протянул руки ее матери:

– Теперь ты!

Это был знак, пример для других, что нужно делать. И через мгновение вся группа, побросав инструменты, и все, кто был на сцене, втаскивали на помост кричащих и дрожащих от ужаса людей.

А еще через несколько секунд на берег с грохотом, в котором потонули людские крики, обрушилась стена воды...

Волна достала даже тех, кто уже был на помосте, но здесь, на высоте трех метров от земли, ее сила и мощь были уже не те, и люди смогли удержаться на ногах.

Вытерев рукавом мокрое лицо, Василий посмотрел туда, где еще несколько секунд назад стояли лавки, а празднично одетые люди с отличным настроением слушали концерт, подпевая каждой его песне. Сейчас все пространство вокруг было залито водой. В мутной пене то и дело мелькали головы тех, кто отчаянно пытался удержаться на плаву, борясь с сильным течением. Погонщики слонов, забравшись на шеи своих мощных животных, помогали людям выбраться из воды и устроиться на спинах своих великанов. На окружающих деревьях гроздьями висели бенгальцы, успевшие взобраться на ветки повыше. В желтой воде плавали перевернутые лавки, брошенные российские и бенгальские флажки, кепки, сумки, даже обувь... Вода постепенно уходила, но скольких она успела унести с собой вниз по течению, к океану, понять сейчас, конечно же, было невозможно.

Кто-то тронул его за плечо, и Разгуляев обернулся. Девушка, та, которую он вытащил на сцену первой, стояла перед ним, прижимая к груди свою дочку.

– Василий, спасибо вам! Я не знаю, что бы с нами было... – ее губы прыгали, она еле сдерживала рыдания, глаза были полны слез, но во взгляде ее уже светилась робкая радость – неужели спасены? Неужели все обошлось? – Я никогда не забуду то, что вы для нас сделали!

– Да ладно, – вдруг засмутился Разгуляев, почувствовав, что краснеет. – Ничего особенного, просто успел среагировать...

– Вы очень смелый человек, – перебила его девушка. – Настоящий мужчина – такой, как в ваших песнях. Когда вернусь домой, я в храме за вас обязательно свечку поставлю!

Василий приобнял женщину за плечи и чуть притянул к себе, коснувшись губами ее мокрого лба и поцеловав в макушку ее маленькую дочурку:

– Главное, что мы сможем вернуться...

Застеснявшись собственной сентиментальности, Разгуляев отпустил девушку и сделал шаг в сторону, решив проверить, как там ребята из его группы. Помост был залит водой, и

Василий не заметил, как носком левой ноги зацепил кабель звуковой аппаратуры. Он сделал еще шаг – и всем телом плюхнулся в воду, тут же погрузившись на добрый метр. Он успел сообразить, что был слишком близко к краю сцены, и теперь упал прямо в бушующую реку. Рванувшись вверх, Василий выбрался на поверхность, набрал в легкие побольше воздуха и попытался дотянуться до проплывающей мимо сцены. Еще бы чуть-чуть – и Разгуляев обязательно выбрался бы. Ведь плавал он неплохо. Но китель и сапоги, столь уместные во время концерта, здесь, в волнах Ганга, сыграли с ним злую шутку – пальцы под водой скользнули по доскам настила, но зацепиться за что-нибудь певец просто не успел. И великая река понесла его дальше, вниз по течению.

Женщина с ребенком на руках, на глазах у которой все и случилось буквально за считанные мгновения, не успела даже закричать – она лишь инстинктивно покрепче прижала к груди свою дочурку...

Глава 3

Вертолет плавно накренился, заходя в правый поворот, и сидевший у окна человек глядел вниз, завороченный открывшейся панорамой. Уж сколько раз летал Ли Сюань над Тайбеем, а все никак не мог привыкнуть к тому, как изменился этот город за последние полвека! Широкие ровные магистрали, по которым шустро бежит нескончаемый поток самых современных автомобилей. Огромные небоскребы, как карандаши в стакане, беспорядочно – тут и там – торчащие из закопанной в асфальт земли. Маленькие люди на тротуарах, и своим количеством, и бесконечной спешкой очень напоминающие муравьев... Да, наверное, маловато нынче в столице Тайваня зелени, но земля на острове слишком дорога, чтобы тратить ее на клумбы и скверы. Зато сколько огней, сколько ярких рекламных щитов, сколько жизни и движения в этом самом современном, будто обогнавшем весь остальной мир, древнем городе!

Вертолет выровнялся, взяв курс прямо на небоскреб корпорации «Байдэ Индастриалз», и Ли Сюань откинулся на спинку мягкого кожаного кресла, устало прикрыв глаза.

Он любил эту французскую машину, которую купил только в прошлом году. Его прежний вертолет был куда более шумный, а от двигателей по всему корпусу волнами проносилась довольно ощутимая дрожь. Несколько часов непрерывного полета – и Ли неизбежно начинало мутить. А этот, венец авиационных технологий, предлагал пассажирам комфорт не хуже, чем в «Роллс-Ройсе». Впрочем, не любовь к роскоши объясняла страсть главы корпорации к вертолетам – тайбейские автомобильные пробки, несмотря на великолепные автобаны и многоуровневые развязки, были просто невыносимы. И бизнесмену, который главным своим богатством считал время, без винтокрылой машины в этом городе было не обойтись. А график встреч у Ли Сюаня был очень плотным – его компания «Байдэ Индастриалз», известный уже не только в Китае, но и по всему миру производитель техники и оборудования для энергетики, последние десять лет активно занималась строительством и сделками с недвижимостью. Миллиардные обороты требовали соответствующих усилий...

Сюань открыл глаза и посмотрел на экран телевизора. Вот уже несколько часов новостью номер один для всего мира была катастрофа в Бангладеш, на гидроэлектростанции «Сиддирганч». Плотина, построенная русскими специалистами, не выдержала напора Ганга и дала огромную трещину. Потоки воды залили берега на десятки квадратных километров. Счет жертв по всей стране шел на сотни. Но самое интересное, что боги покарали и самих строителей – по сообщениям информационных агентств, в числе пропавших без вести было и почти три десятка русских. Ниже по течению Ганга они что-то праздновали прямо на берегу, и мощные потоки воды обрушились прямо на это место.

– Вы говорили наедине? – взглянул Ли на своего секретаря, крепкого парня лет тридцати, в короткой стрижке которого уже пробивались серебряные пряди седины. Помощник, носивший американское имя Боб и вполне китайскую фамилию Хиу, только что прилетел из Дакки – Ли пожелал сам встретить его в аэропорту.

– Да, господин. Свидетелей не было. Даже водитель вышел из машины, пока мы обсуждали наши дела.

– Деньги?

– Аванс он взял наличными.

– Когда следующая встреча?

– Послезавтра, – склонил голову Боб. – Я не хотел вас беспокоить и сам заказал билет.

– Хорошо, – кивнул шеф, – ты сделал все правильно. Послезавтра отдашь ему остальное. Пусть все знают, что Ли Сюань ведет дела честно.

– Безусловно, мой господин.

– А потом, – бизнесмен заглянул в глаза своего секретаря, – ты сделаешь так, чтобы я больше этого человека не видел никогда.

– Я понял...

Вертолет, чуть опустив нос, плавно пошел на снижение – прямо на площадку с латинской буквой Н, оборудованную на крыше небоскреба корпорации...

Глава 4

– Какие люди, и без охраны! Лавров, ты, что ли? – Андрей не успел опомниться, как оказался в медвежьих объятиях розовощекого великана, так и пышущего здоровьем. – Ну, надо же, какая встреча! А я уж думал, что здесь от тоски один сдохну.

В любую другую минуту Батяня ни на мгновение не позволил бы кому-либо подобной фамильярности, но сейчас он даже обрадовался неожиданной встрече. В темном коридорчике медсанчасти, насквозь пропахшем запахами хлорки, йода и немытых тел, да еще перед тем, что ожидало его впереди, встретить старого знакомого было просто удачей. Тем более такого!

– Саныч, здорово! – Легкий толчок кулаком в грудь, означавший одновременно и приветствие, и предостережение – мол, хорош обниматься, – мог бы, пожалуй, сбить с ног и быка, но великан даже не шелохнулся. – И ты здесь?

– Думал, один за все ВДВ отдуваться будешь? Не бойсь, десантура своих в беде не бросает! – Здоровяк явно не мог успокоиться, радость так и светилась в его глазах. – Как же славно, Андрюха, что и тебя к этому делу припахали. Помнишь, как в той рекламе – вместе веселее...

– Еще бы!

За годы службы Лавров, как и многие другие российские офицеры, не только заразился изрядной долей пофигизма, без чего в вечном армейском бардаке просто не выживешь, но и научился отменно управлять внешними проявлениями своих эмоций. Потому стороннему наблюдателю могло показаться странным, с какой холодностью отнесся майор к внезапному явлению старого товарища. Но в душе он здорово обрадовался этой встрече – Саныча Лавров знал как облупленного уже много лет. Вместе они попадали в разные передраги, и не было сердца добрее, а плеча надежнее, чем у этого великана.

– Постой, Саныч, так что ты здесь все-таки делаешь? – чуть отстранился от товарища Лавров. – Насколько я помню, тебя же в Псков перевели. Ротным, да?

– Так точно. Там и служу. А здесь... – здоровяк внезапно помрачнел. – Есть у меня подозрение, что мы с тобой на одно дело подписались. Ты же, как я помню, тоже не в Подмосковье лямку тянешь. В Поволжском, верно?

– Помнишь.

– Значит, и ты в добровольцы записался, – Саныч горестно вздохнул. – Я, грешным делом, подозревал, что, кроме меня, дураков в войсках больше и не найдется. Так нет – вот он, Батяня, собственной персоной. Еще один известный на всю десантуру умник.

– Ну, чего так мрачно?

– Да пошли они! – выругался капитан. – Расписывали все красиво – эксперимент, новые технологии, выплаты за особые условия... Да и в столице давно не был. Дай, думаю, по московским-то улицам прогуляюсь. Может, найду какую красавицу, согласную разделить со мной все тяготы и лишения. А тут... Я же вчера еще прибыл. Пока в общагу заселили, пока документы оформили – уже и отбой сыграли. Какая уж тут Москва! А с утра – и на процедуру.

– Что за процедура-то? Я ж только сейчас с поезда. Документы в штаб сдал – сразу сюда отправили.

– Сейчас увидишь, – отмахнулся капитан. – Разукрасят, как девку на выданье. Третья дверь слева, «Перевязочная». Тебе туда. А я на крыльце подожду. Это недолго.

– Ладно.

– И не бойся, – усмехнулся Саныч. – Больно не будет. Пока, по крайней мере...

Пройдя по коридору, Лавров толкнул указанные двери и решительно шагнул внутрь:

– Разрешите?

Перевязочная оказалась комнатой просторной и очень светлой за счет облицованных белым кафелем стен. По центру возвышалось кресло наподобие того, что внушает людям ужас

в стоматологических кабинетах. Вдоль стен – застекленные шкафы с какими-то баночками да скляночками. У окна – большой, явно чужой в этом помещении, письменный стол. За столом человек в белом халате, которого Лавров с первого взгляда принял за доктора, что-то с азартом набирал на клавиатуре ноутбука, не отрывая глаз от экрана.

Голос вошедшего заставил доктора поднять голову, и его тонкие губы тут же расплылись в противной улыбке:

– О, кого я вижу! Наш знаменитый спорщик собственной персоной пожаловал!

Майор только крикнул в ответ – а кого же еще он ожидал здесь увидеть? Доказывать сейчас что-то этому чокнутому изобретателю было совершенно бесполезно, в этом Батяня убедился еще при первой встрече. А потому решил держаться подчеркнуто сухо, четким движением вскинув правую руку к виску:

– Майор Лавров прибыл в ваше распоряжение.

– Очень приятно, – жизнерадостно проблеял ученый, выискивая папку с его фамилией в стопке, лежавшей слева от его ноутбука. – Проходите, майор, устраивайтесь в кресле, сейчас приступим.

С интересом пролистав несколько страниц личного дела «пациента», пока Андрей, ставив с головы берет, усаживался на не слишком удобном сооружении, профессор с азартом потер руки:

– Что ж, вы получили от своего руководства самые лестные характеристики. Мне рекомендовали вас как, возможно, самого опытного и умелого специалиста.

– У нас все такие, – буркнул Лавров, мечтая, чтобы этот разговор побыстрее закончился.

– Не скажите. Я очень рад, что вы согласились принять участие в нашем эксперименте. Ваши навыки, помноженные на великолепную реакцию и отменную физическую форму, могут принести очень интересные результаты.

– Рад за вас, – не стал скрывать раздражения Андрей. – Не пора ли нам начинать, господин профессор?

– Конечно, конечно! – ничуть не смутился холодностью десантника ученый. – Я только хотел подчеркнуть, что для меня будет большой честью ваше участие в эксперименте. Поверьте, вы и сами, когда все закончится, отнесетесь к нашей работе совершенно иначе.

– Посмотрим.

– Танюша! – кликнул ученый помощницу, и из соседней комнаты вышла девушка в белом халате. В ее руках никелем отливал довольно компактный инструмент, по форме напоминающий пистолет. Батяне, предплечья которого доктора уже не раз «простреливали» самыми разнообразными прививками, особенно накануне спецопераций в жарких странах, этот «шприц» оказался не в диковинку. Но когда девушка приблизилась к нему, взяв свой «пистолет» на изготовку, майор все-таки беспокойно заерзал в кресле:

– Погодите секунду.

– Да? – быстро подошел к нему ученый.

– Я запомнил, как вас...

– Виктор Сергеевич.

– Виктор Сергеевич, хотел спросить, – Батяня с какой-то опаской покосился на никелированный инструмент. – Вот сейчас Татьяна щелкнет – и я полностью в вашем распоряжении? Стоит вам нажать кнопку на вашем ноутбуке...

– Ну что вы, майор! – всплеснул руками ученый, умильно глядя на десантника сверху вниз. – Можете не волноваться, я вам даю честное слово, что этот чип абсолютно безопасен. Вы его даже почувствовать через пару часов не будете.

– Я не о том...

– Понимаю, – перебил Лаврова Виктор Сергеевич. – Никакого вмешательства ни в вашу психику, ни в ваши желания без предупреждения не будет. Мы вам обязательно сообщим, когда начнется эксперимент. А пока чип просто будет висеть у вас на мочке уха.

– Точно предупредите?

– Обязательно. Да вы и сами почувствуете – в момент активации на несколько секунд в мочке уха вы ощутите легкое жжение и покалывание. Это объясняется тем, что ваши нервные окончания воспримут сигналы от нового источника – процессора компьютера, которые будут переданы этим чипом. Тут же произойдет бурная и очень быстрая реакция на уровне нейронов, за счет чего этот процесс вы не сможете не ощутить...

– Спасибо, – оборвал словоохотливого изобретателя Батяня. – Мне все ясно. Действуйте, Таня.

И через секунду у его уха коротко лязгнул никелированный «пистолет»...

* * *

– Ну, как, Лавров? Украсили боевого командира сережкой? – Настроение Саныча, нервно курившего на крыльце, за минуты ожидания друга явно не улучшилось. – Тебе в какое ухо впендюрили – левое или правое?

– Тебе-то что?

– Да где-то читал, что у педиков есть целая система сигналов, в том числе с помощью сережек. Мол, если в левом ухе – активный, в правом – пассивный. Только не запомнил точно, у кого в каком.

– Да пошел ты! – потер проколотое ухо Батяня. – И без твоих шуточек на душе черт знает что творится.

– И я про то же, – грустно согласился Санаев. И тут же повеселел: – Но именно поэтому у меня родилось предложение...

– Догадываюсь.

– Не, ты послушай! – забежал на полшага вперед Саныч, заглядывая майору в глаза: – Я ж тебе не хухры-мухры предложить хочу. Дело очень конкретное.

– Знаю я твоё дело, – Батяня и не хотел, да улыбнулся – не меняется Саныч с годами! – Небось разворот на сорок градусов.

– Ты же сам знаешь, когда десанту хреново, надо принимать меры, – растопырил два пальца капитан, приготовившись их тут же загнать для пушей убедительности. – А мер всего две – или выброс адреналина обеспечить, что в наших условиях пока проблематично и чего нам еще вполне обеспечат в будущем. Либо...

– Зарядиться.

– Так точно!

– Саныч, пойми, я же не против. Но мы же с тобой не в отпуске, – с сомнением покачал головой Андрей. – А если эти кадры что-то на сегодня спланировали?

– А тебя что, этот глист с ноутбуком не предупредил ни о чем?

– А о чем он должен был предупредить?

– Да у нас именно что отпуск начался! – рассмеялся капитан. – Майор, расслабься. Двое суток минимум нас трогать не будут – нанесенные нашим ушам раны обязаны зажить. Иначе вместо активации всяких там центров получится сплошное неудовольствие для организма. Ясно? А потому ничто не мешает двум доблестным офицерам Российской армии как следует отдохнуть.

Батяня вздохнул – аргумент, конечно, железный. Но...

– Саныч, как представлю себе местное кафе офицерское, так твоя затея мне сразу нравится перестает.

– А кто про кафе сказал? Идем ко мне.

– В общагу?

– Конечно. Заодно и тебе заселиться надо. Кстати, обеспечивают по высшему разряду – отдельную комнатку каждому.

– А где продукт стратегический возьмем? – Батяня уже понял, что «отдых» сегодня столь же неизбежен, как победа коммунизма.

– Так все заготовлено давно! – всплеснул руками капитан. – И стаканы помыты даже. Осталось только шпроты открыть да хлеб нарезать. Идем, майор!

* * *

В открытое окно комнаты в офицерском общежитии вливался тихий летний вечер. Где-то на плацу горланили строевые песни роты, выведенные на вечернюю прогулку и поверку. Во дворе шумела детвора, еще не призванная бдительными матерями ко сну – в военном городке за безопасность детей можно было особо не волноваться. Из окон общежития то тут, то там доносилась музыка, смех, звон посуды – в части только вчера выдавали денежное содержание, а потому свободные от службы и собственных квартир офицеры развлекались как могли.

В комнате Саныча дым стоял коромыслом – выпив, здоровяк просто не расставался с сигаретой. Но, надо отдать капитану должное, хозяином он оказался гостеприимным и изобретательным. Вытащив в проход между двумя койками прикроватные тумбочки и сдвинув их, капитан соорудил вполне приличное подобие стола, накрытого старой газетой. Упомянутые уже шпроты, колбаса, хлеб, маринованные огурчики в красивой пузатой банке да здоровая бутылка минералки занимали на этом столе место видное, но не почетное – главным продуктом все-таки была водка. Уже две бутылки опустели и спрятались под подоконником, третья потеряла половину своего содержимого, но, судя по блеску глаз капитана, явно была не последней в его закромах.

Парни успели наговориться. И о службе, и о личном. Третий тост, по традиции, выпили не чокаясь. Произнесли здравицу и в честь десанта. И за любовь. И за дружбу. За успехи в боевой и политической. Вспомнили не только ушедших, но и старых товарищей – кто сейчас чем занимается. Поснимали кителя, оставшись в одних тельняшках. В общем, с головой погрузились в нормальную офицерскую пьянку, когда водка пьется не питья ради, а чтобы отдохнуть, забыться, переключиться от реальности к миру спокойному, тихому и размеренному.

Вот только одной темы они, не сговариваясь, почему-то до поры до времени тщательно избегали – повода, по которому довелось им сегодня встретиться. Наверное, чтобы перейти к ней, офицерам нужно было достичь определенной кондиции. И первым не выдержал Саныч.

Ткнув сигарету в пустую банку из-под шпротов, служившую ему пепельницей, капитан откинулся спиной к стенке и пристально посмотрел на Лаврова.

– Не, ты мне скажи, Андрюха, на кой черт ты согласился участвовать в этом эксперименте, если он, судя по всему, абсолютно тебе не нравится? Я чего-то не понимаю.

Лавров усмехнулся:

– А ты сам про себя ответить сможешь?

– Смогу!

– И почему ты здесь, в таком случае?

– Да потому, Батяня, что нас так воспитывали когда-то, – капитан долго без сигареты продержаться не мог – потянулся за пачкой, закурил. – Принцип наш, десантуры, главный какой? Делай, как я! Вот и делаю.

– Ну... – неопределенно протянул Лавров. – Ты же не обязан кому-то что-то доказывать.

– Не, я не про то, – энергично замотал головой Саныч. – Я как представил себе, что пацанва, которая только из Рязанского училища поприходила, на приманку клюнет – страшно

стало. Они ж безголовые. У них же только гормоны играют да яйца в штанах жмут. Они же ни пороху не нюхали, ни жизни не видели.

– И что? – слегка подначил друга Батяня.

– Как что! Я – за чистоту эксперимента. Легко этому чипу летехами командовать – пусть мной, старым хреном, поуправлять попробует. Тогда и станет понятно, на что он годится.

– Логично, – согласился Батяня.

– Ну, а ты? – Очередная сигарета, затухая, смачно зашипела в масле, в котором недавно еще плавали шпроты.

– Понимаешь, мне сама идея не нравится, – опустил голову Батяня. – Я всегда считал, что настоящий солдат – с выдумкой, с инициативой. Нестандартные ходы – вот что в бою самое ценное. А не целеуказание, переданное с какого-то компьютера.

– Не вижу связи с твоим согласием, – помотал головой капитан, пытаясь сосредоточиться.

– Да все просто – я хочу доказать, что управляемый воин в современном, напряженном и скоротечном бою – бред собачий.

– И каким таким образом ты собрался это доказывать?

Батяня слегка помолчал, будто раздумывая, стоит ли делиться своими соображениями, а потом перегнулся через стол, подвинувшись ближе к капитану:

– Есть у меня подозрение, что чипы эти не на полигоне будут испытывать.

– Ну?

– Вот тебе и «ну». Проверить и человека, и технику можно только в деле. В бою. Я уверен, что нашу группу, которая из добровольцев соберется, куда-то забросят.

– Куда? – округлились глаза у Саныча.

– Туда, где будет жарко. И где не пейнтбольными шариками стреляют, а настоящие пули летают. А вот тогда-то я и докажу, что чипы эти все – бред сивой кобылы.

Майор откинулся назад, с победным видом глядя на товарища – будто миссия уже выполнена, и он сполна доказал свою правоту.

– Стой, Лавров, как же ты сможешь что-нибудь доказать, если у самого ухо пробито?

Батяня улыбнулся с самым загадочным видом:

– Собственно, именно на это я и рассчитываю... Ладно, хватит перетирать. Наливай, а то водка стынет!

Глава 5

Спасательная операция в устье Ганга продолжалась уже несколько часов. Власти Дакки мобилизовали на помощь полиции армию, и теперь на реке работало больше десяти тысяч человек. Усиленные вооруженные патрули прочесывали берега, а по воде стайками шныряли сотни весельных и моторных лодок. И это были лодки не только полиции и армии – к Гангу устремились сотни мародеров. Они вылавливали трупы, обыскивали карманы их одежды, снимали золотые украшения, выбивали зубы, сделанные из благородного металла... Они не брезговали одеждой и обувью погибших людей, раздевая трупы и сбрасывая их обратно в воду. Даже дорогое белье, которое было на утонувших женщинах, становилось объектом охоты этих мерзавцев.

Надо отдать должное силовикам Бангладеша – с мародерами, застигнутыми на месте преступления, разговор был коротким: пуля в голову – и в городском морге Дакки появлялся еще один труп. Выстрелы эхом разносились по всей реке, но желающих «сделать деньги» на чужой беде от этого меньше не становилось.

К трупам с европейской внешностью и к богато одетым отношение со стороны властей было особым. Для них выделили место в морге крупнейшей частной клиники Дакки. Каждого «привилегированного» утопленника укладывали в отдельный пластиковый мешок, а на ногу вешали бирку с указанием времени, когда он был вытащен из воды. Именно в этом морге сейчас работали трое сотрудников российской дипломатической миссии, пытаясь установить личность каждого погибшего россиянина. И хотя восемнадцать человек из списка пропавших без вести уже было вычеркнуто, судьба еще примерно пятнадцати наших специалистов, отправившихся на тот злополучный концерт, была еще неизвестна...

В зале совещаний дирекции «Сиддирганча» еще никогда не было так многолюдно. Здесь сейчас работал оперативный штаб, созданный правительством Бангладеш сразу же после катастрофы. В него вошли руководители силовых структур этой страны, министры энергетики, внешних экономических связей, иностранных дел. Естественно, здесь же было все начальство электростанции с бенгальской стороны, а также наши специалисты – главный инженер, директор строительства, главный энергетик... Из России вызвали даже директора института, в котором был разработан проект плотины.

Раздражение бенгальцев можно было понять – это не воды Ганга вытекали сейчас в разлом, образовавшийся в плотине, а миллионы и миллионы долларов, потраченные этой страной на строительство. «Сиддирганч», вместо того, чтобы приносить прибыль, в одночасье стал для Бангладеш проблемой номер один. Как восстанавливать плотину? Браться ли за вторую и третью очередь, вводить ли в строй новые блоки? Кому, в конце концов, доверить эту работу?

Не мудрено, что российский посол, оказавшийся на острие бенгальского недовольства, буквально на глазах осунулся и похудел – с такими проблемами он не сталкивался еще ни разу за всю свою долгую и успешную дипломатическую карьеру. На карту был поставлен не только выгодный для России контракт, но и престиж страны в Юго-Восточной Азии, а может быть, и во всем мире.

Своих специалистов, которые были бы в состоянии внятно ответить на все вопросы правительства, у бенгальцев не было. А потому за эти несколько часов, прошедших с момента катастрофы, в страну были вызваны международные эксперты – представители крупных компаний, занимающиеся постройкой и эксплуатацией гидротехнических сооружений.

Эксперты уже успели осмотреть разрушения, и сейчас, собравшись за круглым столом в зале заседаний, пытались прийти к единому мнению о причинах, вызвавших катастрофу.

– Могу лишь повторить уважаемым членам правительственной комиссии, что для точного определения причины произошедшей аварии нам потребуется время, – российский посол говорил, стараясь сохранять спокойствие. – Пока нельзя исключать ни одной версии...

– Позвольте, я не согласен! – перебил его представитель какой-то тайваньской фирмы. – По крайней мере, теракт мы можем исключить уже сейчас.

– На каком основании?

– Взрыв или серия взрывов, будь они причиной разрушения плотины, вызвали бы в структуре бетона изменения. Мы бы нашли микротрещины...

– Но трещины есть! – возразил директор института, проектировавшего станцию. – Мы все видели...

– Три-четыре крупные трещины ни о чем не говорят, – оборвал его китаец. – Они могли образоваться в момент разрушения бетона. Мелких трещин нет, а это значит, что мы можем сделать уже определенные выводы. Вы позволите?

Посол России скрипнул зубами – ох, и вредный же этот китаец! А как дотошно осматривал он плотину! А как вежливо склонил голову перед председателем госкомиссии!

– Прошу вас, объясните вашу точку зрения, – председатель комиссии, вице-премьер бенгальского правительства, заинтересовано взглянул на китайца. – Возможно, вы что-то сможете нам прояснить.

– Я постараюсь объяснить свою версию наглядно, чтобы все собравшиеся поняли, что произошло, – залопотал по-английски китаец с легким сюсюкающим акцентом. – Представим себе, что этот лист бумаги – плотина. Если бы был взрыв, по всей плотине обязательно пошли бы микротрещины, которые мы бы, конечно, нашли...

Китаец скомкал лист, затем распрямил его и показал всем присутствующим:

– Эти складки – как трещины.

Потом он взял в руки другой лист и аккуратно оторвал от него кусочек – прямо по центру длинной стороны. И снова показал всем собравшимся:

– Если же произошло разрушение части плотины, то трещин в остальной части может и не быть. Если, конечно, соблюдались все технологии.

– Подробнее, пожалуйста, – вице-премьер явно заинтересовался версией китайца.

– Представим себе, что строители четко и безошибочно соблюдали все технологии при строительстве плотины. Метр сделали, два, десять, двадцать... Эти кубометры бетона, залитого с соблюдением правил, и сегодня стоят не шелохнувшись, – китаец снова потряс своим листиком перед лицами членов комиссии. – Но в определенный момент строителям надоело быть столь дотошными или у них был очередной праздник...

По лицам членов комиссии пробежали невольные улыбки – так, как русские умеют отмечать свои праздники, они уже убедились. Столько нормальные люди выпить просто не в состоянии!

– ... и в этот день они нарушили технологию. Не так связали арматуру, не так уплотнили бетон. Я не знаю, все это надо еще тщательно изучить...

– А может, раствор был не того качества? – подал голос директор строительства с российской стороны. – Уж сколько мы намучились с местными поставщиками...

– Но это обязанность строителей – проверять качество раствора, – бесцеремонно оборвал китаец российского специалиста. – Если в укладку пошел некондиционный раствор – это в любом случае вина строительной фирмы. Если в вашей стране не так, прошу извинить. Но весь мир строит только по таким правилам. И менять их не собирается и впредь... В общем, проанализировав данные, которые есть у нас на текущий момент, я склоняюсь к тому, что причиной аварии стала ошибка при выполнении строительных работ. Но не исключено, что были и недочеты на стадии проектирования плотины. На точное выяснение причин ужасной трагедии, с которой столкнулся многострадальный бенгальский народ, потребуется время.

Китаец наконец-то закончил свою речь и сел, скромно опустив глаза. А за столом повисло тяжелое молчание.

– Мы считаем... – попытался нарушить тишину российский директор строительства, но вице-премьер тут же остановил его одним движением руки:

– Мы уже выслушали вашу позицию. На сегодня работу нашей комиссии считаю законченной. Министр строительства нашего правительства назначается ответственным за проведение международной экспертизы разрушений. На основании этой экспертизы будем принимать дальнейшие решения.

И вице-премьер поднялся, давая понять, что разговор закончен.

Посол скрипнул зубами – дело принимало совсем уж неблагоприятный оборот. Мало того, что Россия могла потерять контракт на работы в Дакке. При таком раскладе можно было попасть на огромные деньги – неустойка будет астрономической. Но даже не это самое страшное – просто с Россией в деле строительства больше никто в мире связываться не будет. А уж бойкот товаров и технологий с клеймом «мэйд ин Раша», который может прокатиться после этой катастрофы не только по Бангладешу, но и по всей Азии, принесет еще большие потери...

«Господи, ну за что мне все это?!» – вздохнул дипломат и вытащил из кармана мобильник. Кроме решения политических проблем, нужно было срочно браться и за вопросы более приземленные, но от того не менее важные – все россияне, значившиеся как без вести пропавшие, должны быть найдены. И если человек погиб, его тело должно быть отправлено на родину. Именно поэтому трех своих сотрудников он отправил сейчас работать в морге.

– Ну, что у вас слышно? Сколько уже? – спросил он, набрав номер своего помощника.

– Восемнадцать, Александр Семенович.

– Ясно. А Разгуляев?

– Пока нет.

Дипломат нажал кнопку отбоя и опять вздохнул – ну почему все неприятности, все беды сваливаются на его голову одновременно?! Ох, права была жена – кто-то его проклял с этим назначением. Женщины эти вещи тонко чувствуют...

Глава 6

Отыскать здесь, в пригороде Дакки, отель «Сиреневый лотос» самостоятельно, без помощи местных, – задача абсолютно нереальная. Во-первых, только человек, родившийся и выросший здесь, сможет безошибочно ориентироваться в бесчисленном количестве притоков, рукавов и искусственных каналов, которыми знаменито устье великого Ганга. Во-вторых, дорог в привычном нам понимании здесь практически нет – роль «улиц» выполняет река, а все движение – и перевозка людей, и трафик грузов – осуществляется только на лодках. Наконец, опознать гостиницу в бесконечной череде легких двух-трехэтажных домишек на сваях, стоящих буквально над водой, тоже сумел бы далеко не каждый. Не мудрено, что Боб Хиу, коренной тайбэец с американским именем, на встречу с всевластным Чжангом Воу, назначенную в отеле «Сиреневый лотос», отправился на «водном рикше». Моторная лодка с тремя рядами лавок и «водителем-таксистом» на корме, ловко выруливая среди тысяч и тысяч других суденышек, снующих по всему Гангу, уже через полчаса, деловито лопоча маломощным двигателем, подкатила к причалу отеля.

Боб взбежал по ступенькам крыльца и оказался в прохладном вестибюле гостиницы. Он, выросший в бетонных коробках Тайбэя, не переставал удивляться местному колориту – даже в этом хлипком домишке, будто наспех сколоченном из досок и фанеры, работали мощные кондиционеры, спасая постояльцев от адской жары бенгальского лета. Правда, с влажностью справиться не могли даже они...

– Господин ждет вас, – приветствовал Боба охранник в вестибюле и проводил в кабинет на втором этаже отеля, где дожидался гостя Чжанг. – Проходите.

В комнате царил полумрак – хозяин кабинета пытался спастись от жары в том числе и с помощью опущенных бамбуковых жалюзи. Боб, нахватавшись «зайчиков» от бликующей поверхности реки, не сразу рассмотрел Чжанга, развалившегося в низком кресле.

– Заходи, не стесняйся, – подбодрил его голос хозяина. – Чего стал на пороге?

Боб вошел в комнату, и охранник закрыл за ним дверь. Чжанг махнул рукой в сторону второго кресла, которое стояло рядом с невысоким журнальным столиком:

– Садись. Привез?

Глаза Боба Хиу уже немного привыкли к темноте комнаты, и он уверенно прошел вглубь, поставив небольшой чемоданчик на журнальный столик. Несколько театральным движением он щелкнул замками и открыл крышку, повернув чемодан так, чтобы хозяин мог оценить его содержимое – в несколько рядов уложенные аккуратные пачки долларов в банковских упаковках.

– Хорошо, – удовлетворенно, но без особого азарта кивнул Воу. Если бы Боб не знал, как умеет владеть собой этот человек, он бы мог даже решить, что хозяин кабинета вовсе уж равнодушен к деньгам. Но это было совсем не так. – Что торчишь посреди комнаты? Садись!

Боб опустился в кресло. Теперь он мог как следует рассмотреть Чжанга. Это был тот самый китаец, который с таким интересом присматривался к празднику русских с заднего дивана своего «Мерседеса». Дорогой европейский костюм, великолепные модельные туфли, замечательная, словно струящаяся по телу, шелковая рубашка... Он был бы почти элегантен, если бы не массивная золотая цепь на толстой шее, куча золотых печаток на коротких пальцах да обрюзгшее, заплывшее жиром лицо с узенькими щелочками цепких и холодных глаз. «Элегантен, как рояль», – вспомнил Боб где-то услышанное сравнение и чуть не рассмеялся, но постарался вовремя скрыть улыбку. В конце концов, Воу выглядел так, как и следовало выглядеть уважаемому и процветающему в своей сфере деятельности бандиту.

Чжанг раскурил сигару и пытливо взглянул на гостя:

– Ну что, ты не передумал?

– Нет. Я взвесил все «за» и «против» и решил, что эта работа не по мне, – покачал головой Боб. – «Белый воротничок» на большом предприятии, работающий даже за большие деньги, – все равно раб. Как те бедняги, что трудились на постройке Стены в эпоху династии Тан. Я бы просто не выдержал.

– Ну, за те деньги, что я мог бы тебе заплатить, выдержал бы, – противно захихикал Чжанг. – Но это твоё дело, соглашаться или нет. Могу только отметить, что мне ты бы оказался весьма полезен в этой роли.

– Мне жаль, но... – Хиу примирительно развел руками. – Но я предвидел вашу реакцию, мистер Чжанг, и поэтому просчитал все возможные варианты. Для вашего успокоения скажу, что я встречался уже сегодня кое с кем из местных чиновников. Самое главное – русские полностью признали свою вину. Сейчас они пытаются спасти положение – пообещали прислать в Дакку большой груз гуманитарной помощи, но, по некоторым сведениям, это вряд ли им поможет.

– Прекрасная новость, – кивнул Боу. – Я думаю, тебе неплохо было бы войти с кем-то из русских в контакт, чтобы держать руку на пульсе событий. Попытайся через местных. Мне кажется, это не составит труда, особенно если не жалеть купюр...

– Безусловно. Деньги – страшная сила.

Хиу лишь на мгновение взглянул на чемоданчик, полный свежестоптаных долларов, и тут же отвел глаза, упрекая себя за неосторожность, – мафиози мог запросто истолковать этот взгляд как некий намек, а этого Бобу страх как не хотелось бы. Поэтому он поспешил перевести разговор на другую тему:

– Кстати, мистер Чжанг, я слышал, у русских появилась еще одна проблема. Они ищут какого-то своего артиста, уже все морги в городе перевернули вверх дном...

– Да, я в курсе, – пыхнул сигарой хозяин кабинета, и в узких глазках его сверкнул какой-то огонек. – Я тебе даже больше скажу: раз уж мы так хорошо понимаем друг друга, тебе не помешает кое-что узнать...

Жестом предложив гостю придвинуться поближе, Чжанг понизил голос...

Хиу пробыл в «Сиреневом лотосе» не более часа. Когда он вышел из отеля и сел в поджидавшую его лодку, красивого чемоданчика у него в руках уже не было, зато по лицу блуждала чуть заметная, но очень довольная улыбка.

«Водный рикша» помог клиенту удобно устроиться в носу лодки и тут же завел двигатель. Выплюнув облачко синеватого дыма, старенький мотор громко залопотал, заглушая все звуки вокруг. Не мудрено, что Боб не услышал, как ровно через минуту после его отплытия от причала водного отеля отошла еще одна моторка – шикарный закрытый катер с двумя быстроходными японскими движками. Даже самый внимательный наблюдатель не смог бы рассмотреть, кто покинул «Сиреневый лотос» на этой мини-яхте – катер вышел из закрытого гостиничного бокса-гаража, позволявшего особо почетным посетителям этого отеля не «светиться» лишний раз на этой людной в любое время суток улице-реке.

А еще через пару секунд грохнул оглушительной силы взрыв. Очевидцы потом красочно живописали, как сначала зеркальные стекла окон «Сиреневого лотоса» брызнули во все стороны мелкими осколками, выдавленные из рам чудовищной силой объемного взрыва. Потом отель будто подпрыгнул, содрогнувшись на поддерживающих его сваях, и в одну секунду исчез, превратившись в горящую кучу обломков. Стены его сложились, как карточный домик, а пламя стало жадно и жарко пожирать все, что осталось от гостиницы и не успело упасть в воду. Видимо, при строительстве отеля о негорючести и безопасности материалов хозяева заботились менее всего – густой черный дым тут же затянул всю протоку, кусками жирной сажи оплевывая мутные воды великого Ганга.

На следующий день городская пресса сообщила, что причиной трагедии в отеле «Сиреневый лотос», по версии полиции, стал взрыв баллонов бытового газа, использовавшихся на

гостиничной кухне. Назвать точное количество погибших представитель полиции отказался, сославшись на то, что взрывом многих постояльцев просто разорвало на части, а огонь, почти полсуток бушевавший на пожарище, превратил многие фрагменты тел просто в пепел. Кроме того, часть погибших могла унести река, а средств на поисковые водолазные работы у города просто нет...

Глава 7

Огромная туша грузового «Ила» мягко коснулась взлетно-посадочной полосы аэропорта Дакки и, подрагивая на стыках не слишком ровной бетонки, покатилась, замедляя бег, к дальним грузовым терминалам. Именно туда направил диспетчер аэропорта борт, прибывший из России с гуманитарной помощью.

Ведомство Шойгу быстро отреагировало на катастрофу, произошедшую в Бангладеш. У российского МЧС опыта действий в самых сложных условиях не занимать – в самолет быстро загрузили и медицинское оборудование, и лекарства, и палатки, и одеяла, и тонны продовольствия, и чистой питьевой воды в двадцатилитровых пластиковых бочонках. В общем, стандартный набор «первой помощи» при любых природных или техногенных катастрофах. Взяли на борт, конечно же, и гробы – тела всех погибших россиян, согласно поставленной перед спасателями задаче, должны в любом случае быть доставлены на родину. А экипажи «авиации катастроф» к вылету всегда готовы в любой момент. В общем, не удивительно, что на все сборы спасателям потребовалось менее суток.

Как это обычно бывает, груз сопровождала довольно представительная делегация спасателей. Во-первых, две бригады медиков, способных как оказать первую помощь пострадавшим гражданам своей страны, так и вызвать, в случае необходимости, специальный самолет «медицины катастроф». Во-вторых, полтора десятка бойцов, готовых разгрузить и сопроводить «гуманитарку». Этим же ребятам, конечно, предстояло и доставить на родину «груз 200» – с Афгана, со сленга кодировок, именно так принято обозначать погибших. Что в армии, что в МЧС...

Среди спасателей выделялась небольшая группа, шесть бойцов, которые весь полет держались несколько особняком. Ребята – как на подбор: высокие, плечистые. Даже форменные куртки с шевронами МЧС не могли скрыть рельефную мускулатуру на их предплечьях и груди. Правда, шестой из них был полной противоположностью – невысокий, худенький, в очках. А в руках – портфельчик, из тех, в которых продвинутая молодежь обычно носит ноутбуки.

– Виктор Сергеевич, да не нервничайте вы так! – с улыбкой обратился к нему парень, мирно продремавший на своем месте почти всю долгую дорогу до Дакки. – А то, не дай бог, свой компьютер уроните, все данные потеряете. Мы уже приземлились, скоро пойдем дышать воздухом Юго-Восточной Азии.

– Хорошо вам, майор, – живо обернулся к нему очкарик, перекрикивая шум двигателей. – Сами проспали всю дорогу. Небось налетали за свою жизнь ого сколько!

– Хватило, профессор, – лаконично ответил тот.

Оказалось, Батяня был абсолютно прав – долго ждать задания, в котором командование на практике решило опробовать систему, придуманную Виктором Сергеевичем, не пришлось. Трагедия в Бангладеш и странные обстоятельства этой аварии заинтересовали представителей ФСБ, работавших в Дакке, и те запросили помощи. Послать было решено группу офицеров-спецназовцев.

Батяня – самый опытный и по званию, и по опыту – был назначен старшим группы. За два дня, проверив вызванных на сборы офицеров, майор Лавров отобрал четверых. Во-первых, Санюча, капитана Санаева, – того самого здоровяка, которого Батяня знал как самого себя. Во-вторых, доктора Юрия Чернышова, военврача-майора, с гордостью и особым шиком носившего в петлицах парадного костюма эмблемы ВДВ. Поговаривали, что эту привилегию ему когда-то «выписал» сам Павел Грачев. Немолодой, совершивший более двух сотен прыжков, побывавший и в Афгане, и на обеих чеченских войнах, делавший операции и ампутации в траншеях и под бомбежками, Чернышов – он же Пластырь – слыл живой легендой десанта.

Поэтому с его кандидатурой Батяня не колебался ни секунды. Наконец, майор отобрал еще двух молодых парней, старших лейтенантов, о которых он слышал еще в Чечне.

Первый, Сергей Чижов по кличке Чиж, несмотря на относительную молодость, был одним из лучших разведчиков десантных войск. Начав карьеру военного со срочной службы в ВДВ, Чиж вскоре стал контрактником, затем окончил Рязанское училище. Он умел все, что должен уметь разведчик, и даже немножко больше. А еще имел четыре боевых командировки на Кавказ, кучу благодарностей от командования и наград – от президента.

Второй офицер – Василий Габрышев, или Грош, как называли его боевые товарищи, – отличался не слишком высоким ростом, но огромной силой, выносливостью и мастерским владением всеми видами оружия и рукопашного боя. Грош был, в принципе, идеальным диверсантом. Он мог, почти не запыхавшись, пробежать пятьдесят километров с выкладкой, а потом проплыть еще с десятков километров против течения, знал четыре языка и отличался феноменальной памятью. Поговаривали, что спецназ ГРУ его уже не раз пытался заполучить к себе, но Грош сам сопротивлялся изо всех сил – просто ему нравилось быть в десанте.

Кроме этого в группе присутствовало еще трое десантников – Баринов, Забелин, Ключев. Все они были бойцами надежными и проверенными в деле.

Последним членом группы, и от этого было никуда не деться, стал сам Виктор Сергеевич Беляев. Батяне очень не хотелось брать его с собой на задание, но было понятно, что от разработчика хитрой системы им никуда не деться – автор должен был и управлять ею, и контролировать работу своего компьютера. А затем, по возвращении в Москву, отчитаться перед руководством Министерства обороны.

Самолет остановился, и экипаж выключил двигатели. После стольких часов непрерывного гула наступила, наконец, тишина, принесящая бойцам почти физическое облегчение.

Батяня сделал своим знак придвинуться поближе и понизил голос:

– Напоминаю, что для всех местных, включая сотрудников российского посольства, мы – офицеры МЧС. Поэтому делать будем все то же самое, что и эти ребята, – майор кивнул в сторону спасателей. – Но не забывайте, что у нас здесь будет и другая работа, поэтому ухо держать востро. И еще раз напомню – имена и звания, вас, профессор, касается, остались в России, здесь – только позывные. Вопросы?

– Нет.

– Мы поможем обследовать плотину, если кто-то попытается нашим спецам помешать. Потом разберемся с трупами. Пластырь внимательно глянет, все ли там чисто. И, наконец, есть у нас еще одно дельце... – Батяня окинул взглядом своих орлов. – Ряд наших людей числится после катастрофы без вести пропавшими.

– Так мы их искать, что ли, будем? – Чиж недоуменно пожал плечами. – Это полиции забота. Или там водолазов, если кто утонул. Мы то здесь при чем?

– В принципе, ни при чем, ты прав, – кивнул Батяня. – Просто среди пропавших есть один человек, которого найти нам надо было бы обязательно. Нам за это многие в России спасибо сказали бы.

– Кто? – У Санюча округлились глаза. – Неужели...

– Разгуляев.

– Это какой Разгуляев? Василий, что ли?

– Он.

– Да ты что, Батяня? Блин! – Здоровяк явно разволновался. – А я его живого никогда не видел, ни разу на концерте не был...

– Будем надеяться, еще увидишь, – остановил словоизлияния старшей группы. – Может, еще и споет нам, если все будет хорошо.

– Да, это такой мужик... – Санюч все никак не мог успокоиться. – Да его песни вся братва слушала. А когда он в Чечню приезжал, я как раз на боевом был. Так жалел...

Батяня, не дослушав, повернулся к Беляеву:

– Профессор, ваша задача – при любом раскладе не потерять никого из наших и держать связь со всеми. В любую секунду вы должны знать, где кто находится. Плюс обеспечивать нам привязку к местности через свои умные спутники.

– Я понимаю, – согласно закивал Виктор Сергеевич, довольный тем, что сможет быть полезным членом группы. Он слегка терялся в обществе этих уверенных в себе сильных людей, а потому очень старался понравиться. От этого голос его звучал странно – почти заискивающе. – А знаете, Батяня, я подумал, как было бы здорово, если бы у этого Разгуляева наша клипса была. Я бы его вмиг сумел найти!

– Если бы... – повторил фразу десантник, покачивая головой. – Если бы все у всех получалось, как хочется, то и наша бы помощь здесь не понадобилась.

– А еще я хотел спросить, – как школьник, поднял ученый руку. – Как мне положение нашего врача отслеживать, если у него чип не стоит?

– У Пластыря чипа не будет, – жестко оборвал Батяня. – Об этом мы еще в Москве договорились, и варианты не рассматриваются и не обсуждаются. Все вопросы?

Бойцы промолчали, и только Саныч мечтательно протянул:

– Вот было бы здорово Василия Разгуляева отыскать! А потом на радостях хряпнуть с ним и уговорить его спеть...

– Размечтался. Все, с вещами на выход!

Глава 8

Еще два года назад остров Камрангичар был дальней и почти необитаемой окраиной Дакки. Определение «почти» не случайно – вдоль берега ютились сотни и тысячи лачуг, на скорую руку собранных из подручных материалов. Листы шифера и куски фанеры, бамбуковые бревна и полосы железа – на постройку своих хижин бенгальцы, не обремененные постоянным доходом (а таких в этом городе было большинство), пускали любой подручный материал.

В глубь острова, заросшего буйной тропической зеленью и местами даже заболоченного, проникать самовольные поселенцы и не пытались. Во-первых, главной «дорогой», вдоль которой и ставили домишки, здесь всегда считалась река. А во-вторых, бороться с быстрорастущими зарослями того же бамбука без специальной техники, лишь с помощью дешевых топов, было просто нереально.

Все изменилось два года назад, когда влиятельный китайский бизнесмен, как называла Чжанга местная пресса, купил у городских властей право владения этой территорией. Остров Камрангичар, образованный Гангом и нешироким притоком, у которого даже названия не было, островом, вообще-то, тогда и не был. Он стал им после того, как компания Чжанга мощными экскаваторами за несколько недель прорыла канал между Гангом и протоком, с помощью воды со всех сторон оградив несколько десятков гектаров купленной земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.